

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ ЦЫГАН
ЦЫГАНСКИЕ СКАЗКИ

Сборник
Цыганские сказки

«Седьмая книга»

Сборник

Цыганские сказки / Сборник — «Седьмая книга»,

Сказки цыган посвящены любви к кочевой жизни, они основываются на мифах прародины Индии и перемешаны с «лесной и полевой живностью». Но самыми популярными, среди цыган, являются особые сказки, где на полном серьезе описываются похождения живых мертвецов, лошолочей, гулянья урм, ведьм и прочей мистической живности.

Содержание

Вечер в цыганском таборе	6
Волшебный мир цыганских поверий	8
Лейла	17
Кешалии и три дровосека	21
Королева кешалий	24
Птичий язык	27
Андор и урма	29
Петру и дочери нивашей	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Цыганские сказки

© 2012 г. Издательство «Седьмая книга». А.Кун., Зыбин Ю. Составление, перевод, пересказ и редакция.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вечер в цыганском таборе

На берегу ручья, медленно катящего свои студёные прозрачные воды по лесной поляне, расположился шумный цыганский табор. Раскинуты палатки, разведены костры. Легкими сине-серыми струйками поднимается от костра дым и стелется пеленой над лесом. Шумно в таборе. Бегают с веселыми криками и смехом дети. Они полуодеты, их курчавые головы ничем не покрыты. Дети цыган не боятся ни жарких лучей солнца, ни дождя, ни холодного ветра: ведь они выросли под открытым небом, в палатках, плохо защищающих от непогоды; с детства закаляют свое тело цыгане и легко переносят и жару, и холод. В палатках или около них кое-кто из цыган занимается работой. Одни плетут корзины из прутьев ивы, другие из жести делают ведра и кружки, есть и кузнецы, которые кое-как устроили горн и куют подковы и гвозди. А тут же женщины прядут и ткут грубую холстину. В палатках слышится плач маленьких детей. Где-то в другом конце табора раздаётся звонкое пение. Словом, табор живет шумной жизнью. Но вот солнце склоняется всё ниже и ниже. Село солнце. Вечереет. Из леса с вязанками сухого валежника возвращаются цыганки. Несколько молодых цыган подъехали верхом к табору; их с громким лаем встретили собаки. Цыгане соскочили с лошадей, стреножили их и пустили пастись на поляне. Все сильнее и сильнее сгущаются сумерки. Ярче огонь костров. Приближается теплая летняя ночь. У костров ужинают семьи цыган. Скуден их ужин. Бедные цыгане непривередливы, они довольствуются малым. Да и голод часто хорошо им знаком. Но вот окончен их ужин. Один за другим гаснут костры. Остался только один на самом краю, табора, у леса. Иногда пламя костра вспыхивает ярче, тогда красные отблески пробегают по темным деревьям леса и быстро тухнут; снова стоят деревья черные, мрачные. В таборе тихо. Он спит. Только у костра собралось несколько цыган, они говорят о делах своих. Вспоминают о том, что бывало в прежние времена. Часто у костра рассказываются и сказки; а послушать сказку немало охотников. Рассказывают у костра и о всяких необычайных происшествиях, о всяких чудовищных существах, о колдунах и ведьмах. Ведь настоящие цыгане, в отличие от городского жителя гораздо ближе к матери-природе, а значит и ближе к любому волшебству. До наших дней сохраняются многие поверья и суеверия цыган, которых у этого народа немало. Да и, как не возникнуть этим суевериям у цыган?

Заболел, например, цыган; стал худеть, побледнел, слабеет все больше и больше. Обращался он и к врачу, и к знахарке, – ничего не помогает. Как это объяснить? Отчего это заболел человек? Ведь раньше он был такой здоровый и сильный! И объясняет болезнь цыган тем, что просто наслали на него болезнь. Но кто же может насладить болезнью? И фантазия цыгана создает злых колдунов и ведьм, которые причиняют зло людям. Цыган не может объяснить себе и того, почему сон человека иногда бывает такой беспокойный, почему иногда словно давит что-то на грудь спящего, он стонет во сне, мечется. Проснется, никого нет, никто не давил ему грудь. И опять возникает суеверие, что существуют такие существа, которые причиняют, страдания спящему человеку и тотчас скрываются, когда человек проснется.

Немало бедствий приходится испытывать кочевым цыганам в жизни. Но откуда эти бедствия? И кажется цыгану, что всюду есть демоны, дьяволы и бесы, которые только и делают, что посылают людям бедствия, только и думают о том, как бы повредить людям.

Или же шел цыган по берегу реки, да еще ночью, а берег реки крутой, обрывистый. Оборвался в темноте цыган, упал с обрыва в реку и утонул. Или во время переправы через быструю реку попал на глубокое место, и водой увлекло его до дна. Мы легко объяснили бы причину, почему утонул цыган. Но они рассказывают о сказочных, фантастических существах, живущих в реках и увлекающих людей в воду, губящих их.

Легко в высоких горах, где так много пропастей, обрывов, где опасно и днем-то идти по крутой узкой тропинке, ночью оборваться, упасть в пропасть и погибнуть. И вот погиб цыган

ночью в горах. Но ведь цыган ходил и не раз по тропинкам в горах; и всё обходилось благополучно. Почему же именно в этот раз он погиб? Наверно здесь дело не обошлось без злого волшебного чудовища, которое решило погубить несчастное цыгана и столкнуло его в пропасть, думает цыган, его фантазия рисует ему таинственных и грозных лошоличей, машурдалов и джукланушей.

А как может объяснить себе цыган, почему в горах происходят обвалы, которые могут погубить даже целый табор, засыпать его? Цыган думает опять-таки, что существуют, наверно такие темные существа или духи, которые бросают с гор камни и иногда скатывают с них целые скалы. Может быть, эти существа не всегда даже злые, а только человек чем-нибудь их обидел, вот, они ему и мстят за это.

Пожалуй, всего труднее объяснить себе, почему есть люди, которым как будто все удается в жизни, которым во всем сопутствуют счастье и удача, но есть и такие люди, которые могут быть названы неудачниками. Почему же это? И тут на помощь цыгану опять приходит его фантазия. Он рассказывает о посылающих одним счастье, другим несчастье, волшебных урмах и кешалиях, которых никто никогда не видал, да и не мог видеть по той простой причине, что они созданы фантазией цыган.

Вот обо всех этих духах и существах и разговаривают часто цыгане, собравшись вечером у костра. Они говорят о них, как о чем-то таком, что существует на самом деле. Разуверить их, доказать им, что этих существ в действительности нет, нельзя. Ведь деды и прадеды цыган верили, что они есть, и рассказывали о них, верят этому цыгане и теперь. В этом волшебные сказки цыган не отличаются ни от одного народа на всем земном шаре.

Чтобы понять сказки цыган, — а у цыган их немало, и притом эти сказки весьма интересны и красивы, — нужно прежде ознакомиться с тем, что представляют из себя поверья цыган.

Когда мы познакомимся с поверьями цыган, тогда мы можем перенестись мысленно в цыганский табор, к костру, поздним вечером, когда табор уже спит.

Высоко в небе горят яркие бесчисленные звезды. Кругом тихо. Слышится по временам, как фыркают пасущиеся на поляне лошади. Чуть потрескивают ветки сухого валежника на костре. Невнятно, таинственно шелестят листья на высоких деревьях, темного, темного леса от набегающего легкого ночного ветерка. У костра собрались цыгане и слушают, какого-нибудь старика, цыгана, рассказывающего им сказки и предания седой старины. Рассказывает он о волшебных феях урмах, о жутких кешалиях, страшных лошоличах, шигноманушах и других волшебных существах, созданных буйной и красочной фантазией цыган.

Волшебный мир цыганских поверий

Как создан был мир.

Высоко на небе под звездами, в богатом сияющем, как солнце, дворце живет Создатель – Девла. Он посылает людям как добро, так и зло. Никто никогда не подымет к Девле в его дворец, никогда не увидит Девлы и его сияющего дворца. Весь мир и всё, что населяет мир, сотворил Девла.

Вначале не было земли и неба. Всюду была лишь вода, а под нею песок. Из песка создал Девла землю, слитую в одно с небом. Земля и небо лежали, крепко обнявшись, ничем нельзя было разъединить их. Но вот родились у земли и неба пять сыновей: Царь солнца, царь луны, царь огня, царь ветра и царь тумана. Тогда разомкнулись объятия земли и неба; они отделились друг от друга. Внизу широко разостлалась земля, а высоко над ней необъятным сводом раскинулось небо. По небу над дворцом Девлы движутся солнце, звезды и месяц. Выше солнца и звезд месяц. За ним кончается мир. Дальше ничего нет, лишь пустое пространство.

На земле, по велению Девлы, выросло большое тенистое дерево. С этого дерева упали на землю первые люди. Стали они жить на земле, размножаться и понемногу заселили всю землю. Сначала люди жили счастливо. Не знали ни горя, печалей, ни страданий. Радость и счастье царили всюду на земле. Людей не мучили холод, голод, жажда и болезни. Но вскоре миновала эта счастливая жизнь. Пришла на землю смерть, а с ней и первое горе. Следом за смертью явились на землю печали и страдания. Все тяжелее становилось жить на земле людям.

Наконец, народились на земле дьяволы, бесы, демоны болезней, кешалии, урмы, нисаши, пшувуши, лошоличы и много еще всяких чудовищ и духов. Бессчетное количество существ злых, враждебных людям появилось на земле. Злых духов родилось много, а добрых мало. Всю землю наполнили злые духи. Всюду живут они: в горах, полях и лесах. Трудно бороться с ними людям. Жизнь на земле стала горестной, полной тяжких невзгод. Труд и заботы стали угнетать людей. Мало радостей стал видеть на своем жизненном пути человек, а если и выпадает на его долю счастье, то быстро, как сон пролетает оно; снова на смену счастью приходят горе и заботы, и нет им конца.

Кешалии и их королева Ана.

На вершинах гор, в ясные летние дни, когда солнце ослепительно сверкает на голубом небе, сидят кешалии. Прекрасны они; так прекрасны, что одним взглядом своих глубоких, как бездонное море, очей пленяют человека, и он забывает все. Их волосы мягче и тоньше, чем самый нежный шелк, а длиной эти волосы в несколько верст. Когда кешалия сидит на вершине скал и золотым гребнем причесывает волосы, то они развеваются по ветру и легкими прядями тянутся, подобно полосам тумана, над лесом и по горным ущельям. Сидит кешалия на скале, причесывается и поет, очаровывая всех своим нежным пением. Кешалии – дочери царя туманов. Он прогнал их из своего дворца, опечаленный смертью жены, которую сжег своими палящими лучами царь солнца.

Не круглый год можно встретить кешалии в горах. Зимой они спят в глубоких пещерах. Ранней весной, лишь только сойдет снег с полей и все начинает зеленеть, высылают кешалии из глубокой, недоступной никому пещеры кукушку. Быстро летит кукушка над полями и лесами и смотрит, наступила ли весна. Часто присаживается она на ветви деревьев отдохнуть, громко кукует, и далеко несется в теплом весеннем воздухе это кукование. Услышав его, говорят цыгане: «вот закуковала кукушка: скоро кешалии проснутся». Все теплее и теплее становится. Деревья начинают покрываться нежной весенней зеленью. Цветы распускаются на лугах и лесных полянах. Стрелой несется назад к кешалиям кукушка возвестить им, что весна в пол-

ном разгаре. Тогда только выходят из глубокой пещеры кешалии, и снова может встретить их путник где-нибудь высоко в горах и услышать их чарующее пение.

Кешалии часто делают добро людям. Но если оскорбить их чем-нибудь, то жестоко мстят они чиху. Кого полюбят кешалии, того могут одарить несметными богатствами и счастьем. Еще при рождении отмечают кешалии того, кто будет жить под их покровительством. Каждая кешалия тклет из своих волос рубашку, такую тонкую и прозрачную, что человек не может увидеть ее. Ночью кешалия спускается с вершины горы и надевает эту рубашку на новорожденного¹.

Если кешалия полюбит молодого цыгана, то ночью вьет она золотую веревку и бросает своему избраннику конец ее. Просыпается молодой, цыган и хочет схватить конец веревки, но кешалия тянет ее к себе. Идет цыган за золотой веревкой, извивающейся перед ним по земле все дальше и дальше. Вербка ведет его в горы. Выше и выше подымается цыган. Наконец, на вершине горы находит он прекрасную кешалию. Она бежит ему навстречу, обнимает и целует крепко, крепко прямо в губы. От этого поцелуя молодой цыган забывает все на свете – и свой табор, и родных. Теперь он думает лишь о кешалии, любит ее одну, он весь в ее власти и остается жить с ней высоко в горах. Но недолго продолжается счастливая жизнь с кешалией. У нее рождается ребенок. Короткий срок жизни дан этому ребенку: прожив лишь несколько дней, он умирает. Безгранично горе несчастной матери. Она покидает своего возлюбленного и уходит еще выше в горы, в такие места, куда не может подняться ни один человек. Белая одежда кешалии, легкая, как туман, становится черной. Кешалия рвет в отчаянии волосы, и они летят по ветру длинными серебряными нитями, – это осенняя паутина, которую носит по полям и лесам ветер. Бездетные цыганки ловят и едят эту паутину, надеясь, что это даст им детей, при этом они шепчут заклинания:

*Пряди, кешалия, пряди,
Пока в ручьях вода бежит,
И к нам дитя крестить приди
Коль красный твой инурочек свит.
Ребенка нам ведь ты дала,
Так свей ему инурок сама.
Кешалия, Кешалия!*

Недолго живет и тот молодой цыган, которого покинула неутешная кешалия. Дни его сочтены. Он тоскует, чахнет, становится как бы помешанным и осенью умирает от тоски и истощения.

Кешалии живут ровно 99 лет. Когда наступает день смерти кешалии, тогда отдает ее королева кешалии Ана на растерзание чудовищным лошоличам, и они ее пожирают. Королева Ана живет одиноко на недоступной горной вершине, в черном дворце. Ежедневно должны являться к ней три кешалии и давать ей по капле крови из левой руки. Этой кровью питается королева Ана, без нее она умерла бы, а с ней вместе погибли бы все кешалии. На них нажились бы свирепые лошолихи и всех их растерзали.

Однажды грозила уже в незапамятные времена гибель всем кешалиям. Это случилось так: королеву Ану, которая была тогда еще молода и ослепительно прекрасна, увидел ужасный царь всех лошоличей. Красота Аны пленила даже его, и он решил жениться на королеве кешалии. Ана пришла в ужас, узнав об этом. Она бежала в свой неприступный черный дворец и заперлась в нем. Страшно разгневался царь лошоличей и велел всем своим подданным ловить и пожирать кешалии. Кинулись чудовища-лошолихи на кешалий; напрасно пытались спастись несчастные, всюду настигали их лошолихи, терзали на части и пожирали. Погибли бы все до

---

¹ Тот, на кого надела кешалия рубашку, всю жизнь дут сопутствовать ему счастье и удача во всем.

единой кешалии, если бы не сжалилась, видя их страдания, королева Ана. Она согласилась стать женой царя лошоличей и этим спасла от полного истребления кешалий. Много горя и слез принес людям брак Аны с царем лошоличей, так как от этого брака родилось 9 демонов, которые вызывают у людей болезни. Самые страшные из них: Мелало, который под видом серой птицы о двух головах насылает на людей бешенство и этим толкает их на разбои и убийства; Порескоро, несущий с собой холеру и чуму, у него четыре кошачьи и четыре собачьи головы, птичье туловище и хвост змеи, и Лолмишо, который причиняет людям кожные болезни, если пробежит он под видом красной мыши по телу спящего, человека. Сам царь лошоличей, как ни жесток и свиреп он, содрогнулся от ужаса, когда народились у него эти дети – демоны болезней. Он покинул королеву Ану, заключив с ней нерушимый договор, по которому Ана обязалась отдавать на растерзание лошоличам тех кешалий, которым исполнится 99 лет. Демонов болезней не осталось только девять. Все они пережились между собой, и от этих браков родилось еще множество других демонов, и все они причиняют людям страдания и горе.

Королева кешалий Ана не остается всегда в своем черном замке. Иногда покидает она его и, приняв образ жабы с золотым брюхом, медленно ползет по земле. Нужно проследить, где появляется Ана в виде жабы, так как в этих местах зарыты глубоко в земле богатые клады. Сразу становится страшным богачом тот, кому удастся найти хоть один такой клад.

Когда королева Ана ползет в образе жабы по земле, с тела её стекает капля за каплей волшебный сок – лииль. Жадно лижут лииль демоны болезней, дети Аны; этот сок дает им новые силы на горе людям.

Урмы и королева их Матуйя.

Не одних кешалий можно встретить в горах. Там живут и прекрасные златовласые урмы – волшебные феи. В бездонных пропастях стоят их дворцы, отлитые из чистого золота и серебра. В каждом таком дворце живет по 99 урм. Никогда, ни один человек не видал этих дворцов, в которых урмами собраны несметные богатства. Днем урмы резвятся и пляшут в горах на лесных уединенных полянах или сидят на вершинах гор и скал. Ночью же, когда таборы цыган погружены в глубокий сон, они спускаются с гор, тихо, чуть касаясь земли ногами, подходят к колыбели новорожденных и определяют их судьбу. Урмы ходят всегда по три вместе. Одна из них добрая, она дает людям счастье; другая холодная, она безразлично относится к судьбе людей и не дает им ни радостей, ни горя; третья урма злая, она посылает несчастье и скорбь людям.

Когда у цыганки родится ребенок, то пред палаткой женщины табора разводят костер, чтобы отогнать злых демонов, при этом трижды плюют в огонь и громко восклицают; «Приди, добрая урма, и помоги!» А после этого шепчут такое заклинание:

*Огонь, огонь, пылай, пылай!
Ребенка ты оберегай,
И урму добрую мани.
Ты же, урма, счастье пошли
Ребенку в жизни на земле,
Ребенку в жизни на земле.*

Весело и привольно живут волшебницы-урмы на вершинах гор. Но и их жизнь может омрачить печаль. Горе той урме, которая полюбит смертного. Больше не видать тогда ей радостных дней, больше не плясать ей ночью во время собрания урм на поляне, окруженной, как стеной, волшебным пламенем. После того, как у нее родятся сразу три маленькие урмы, она тотчас становится дряхлой старухой и живет до самой своей смерти одиноко, где-нибудь в дремучем лесу в маленькой хижине, всеми покинутая, и не смеет больше являться к своей

королеве Матуйе. И дочерей своих больше не видит она. Их урма кормит только один раз грудью, после чего они убегают от матери в лес. Там маленькие урмы живут под кустами или в дуплах деревьев. Быстро вырастают маленькие урмы, а как станут взрослыми, так отправляются во дворец к своей королеве Матуйе, которая принимает их в число своих подданных.

Ни одна урма не умирает своей смертью. Она может умереть только тогда, когда вырвет кто-нибудь у нее из головы три золотых волоса, в которых заключена жизнь урмы. Если урма совершает такой проступок, за который по закону урм должна быть наказана смертью, то прилетает чудовищно-громадная птица Чарана, хватает урму, вырывает ей три золотых волоса, срывает клювом и когтями мясо с костей убитой урмы и уносит это мясо к королеве Матуйе. Кости же урмы проваливаются сквозь землю.

Ужасна эта птица Чарана. Живет она 999 лет и в течение своей долгой жизни должна питаться молоком одной и той же женщины, которая, как и птица Чарана, живет 999 лет. Если бы эта женщина умерла, то погибла бы с голода и Птица Чарана. Совсем исчезнуть с лица земли птица Чарана не может. Жизнь ее скрыта в крошечном яйце, а это яйцо находится в черной курице, которая заперта в железном сундуке, а сундук висит на груди птицы Чарана. В черной курице не одно яйцо, а несколько, и все ничем не отличаются друг от друга. Если даже достать из сундука черную курицу, убить ее и вынуть из нее все яйца, то и тут, чтоб убить птицу Чарану, нужно еще узнать, которое из яиц заключает в себе жизнь Чараны, а узнать это не может никто на свете. Но все же может случиться, что птица Чарана почему-нибудь погибнет. Лишь только это случится, как тотчас же раскрывается железный сундук на груди Чараны, и из него вылетает черная курица. С быстротой ветра бежит она по земле и ночью незаметно кладет крошечное яичко на колени спящей женщины. Через семь дней у женщины родится маленькая, серенькая птичка. Эта птичка так быстро улетает, что и увидеть-то ее невозможно. Как молния носится серенькая птичка по горам и всюду ищет волшебную золотую воду, а как найдет ее, так начинает жадно пить и через несколько минут вырастает до чудовищных размеров. Вновь появилась птица Чарана. Она летит к королеве урм, Матуйе, а та приказывает урмам выстроить для новой птицы Чараны дворец необычайной величины, в этом-то дворце и живет Чарана.

Королева урм Матуйя обладает большой властью и очень могущественна. Гибель грозит тому, кто оскорбит ее хоть чем-нибудь. Избежать, гибели от руки мстящей Матуйи невозможно, везде настигнет королева Матуйя и подвластные ей урмы оскорбившего. Часто королева Матуйя мстит за обиду так: она разбрасывает около того места, где живет оскорбивший ее человек, мясо убитой птицей Чараной урмы. Всякий, кто съест хоть маленький кусочек этого мяса, впадает в бешенство. Матуйя же бросает все новые и новые куски мяса и делает это до тех пор, пока не съест его и оскорбивший ее. Может случиться так, что прежде, чем съест мясо виновный, целые таборы цыган будут охвачены бешенством, и гибель будет грозить тысячам людей.

Бешенством могут наказать человека и урмы, хотя бы за то, что он, не подозревая, какая грозит ему опасность, убьет животное, находящееся под защитой урм. Для урмы убийство такого животного – величайшее оскорбление. Стоит только отведать мяса убитого животного, и гибель неминуема. Человеком немедленно овладевает бешенство. А у урм много любимых животных, как диких, так и домашних. Опасно поэтому убивать какое-либо животное, вдруг оно находится под защитой урмы.

Урмы не только любят и охраняют животных, они знают и язык их. Если человек хочет научиться понимать язык всех животных, то он должен отправиться в горы, найти там спящую урму, тихонько подкрасться к ней и крепко поцеловать ее в губы. С этой минуты человек и сам может подражать крику всех животных, и понимать их язык.

Есть у урм и особо любимое животное. Это легендарный, желтый еж Чагрин, в полтора метра длинной и в метр шириной. Ночью Чагрин забирается в стойла домашнего скота и мучает его. Если Чагрин взберется на спину лошади или коровы, то вся она покрывается нарывами.

Чтобы вылечить от таких нарывов домашний скот, нужно взять красную тряпку, нарисовать на ней углем или мелом двойной крест и покрыть этой тряпкой животное на день. Ночью нужно снять эту тряпку, засунуть в дупло, а дупло заколотить, приговаривая:

*Оставайся-ка ты здесь,
Пока станет тряпка зверем,
Пока станет зверь осиною,
А осина человеком
Человек тебя убьет.*

Лошолочи.

В чаще лесов, в непроходимых дебрях, в глубоких пещерах, где каждый неосторожный шаг грозит гибелью, живут чудовища-лошолочи. Это – грешники и злодеи, которых обратил в чудовища дьявол. Ужасны и отвратительны с виду лошолочи. Все тело их сплошь покрыто густыми жесткими волосами, громадные уши свешиваются до самых плеч, а руки у них так длинны, что, стоя на своих тонких, как жерди, ногах, лошолочи, не нагибаясь, достают руками до земли. Лица у лошолочей крайне безобразны. Громадный рот до ушей, с торчащими из него острыми зубами, свирепо сверкающие глаза на выкате, большой приплюснутый нос придают лошолочам отталкивающий, дикий вид.

Опасна встреча с лошолочами в темном лесу. Спаситься от них почти невозможно, ведь вступать с ними в борьбу невыносимо человеку, так как лошолочи обладают невероятной силой. Они легко, словно сухую былинку, вырывают с корнями столетние дубы и шутя поднимают и бросают такие камни, которые не сдвинуть с места и сотне людей. Особенно опасно встретиться с лошолочем женщине. Счастье, если лошолоч не заметит ее, тогда она спасена, но даже и в этом случае великое горе постигает женщину, увидевшую лошолоча. Если у нее родится ребенок, то он будет непременно уродом, потому только, что женщина взглянула на лошолоча. Если же лошолоч заметит женщину, то он бросается на нее и тащит в горы к себе в жилище, а там превращает ее в безобразную, худую клячу. Есть только один способ спастись – это взять полную пригоршню семян дурмана и бросить в лошолоча. Этих семян, как огня, боятся все лошолочи и убегают от них без оглядки, с громким воем. Ни одна цыганка не решится пойти в лес, особенно ночью, не захватив с собой полного мешочка с семенами дурмана.

Как ни сильны лошолочи, но и их можно победить в борьбе и даже лишить силы, нужно только срезать волосы на их ступнях. Но возможно ли ухитриться сделать это во время борьбы? Если же удастся кому-нибудь срезать волосы со ступни лошолоча, он тотчас падает на землю и становится таким слабым, таким беспомощным, как новорожденный ребенок. Лошолоч, у которого срезаны со ступни волосы, живет недолго. Вскоре он умирает. Когда же он умрет, тотчас появляется словно вырастает из-под земли дьявол и сжигает труп лошолоча на костре. Пепел же дьявол старательно собирает, так как этот пепел имеет чудодейственную силу. Дьявол посылает им тех грешников и злодеев, которые заключили союз с ним и продали ему свою душу. Грешники и злодеи, посыпанные пеплом от трупа лошолоч, превращаются немедленно в лошолочей.

Все лошолочи подвластны царю, который живет далеко-далеко в Африке, в стране, недоступной людям. Часто на своих громадных крыльях прилетает, царь лошолочей в Европу. Тогда отовсюду собираются к нему его подданные и прислуживают ему, исполняя малейшее его желание и все его прихоти. Горе той стране, в которой появляется царь лошолочей, так как его появление всегда несет с собой великое бедствие людям; недаром он отец всех демонов болезней.

Джуклануши.

В горах и лесах, кроме лошоличей, живут джуклануши. В них превращают колдуны людей, которые чем-либо рассердили или обидели их. Джуклануши – это чудовища громадного, роста, с туловищем и руками человека и с ногами и головой собаки. Джуклануши обладают невероятной силой и ловкостью. Они не так опасны, как лошоличи. Встреча с ними грозит лишь тому гибелью, кто их чем-нибудь рассердит. Джуклануши часто даже помогают людям, особенно если нападут на человека лошоличи, с которыми джуклануши живут в непримиримой вражде. Достаточно джукланушу встретиться с лошоличем, чтобы между ними начался бой не на жизнь, а на смерть. Часто лошоличи толпой нападают на джукланушей, которые живут в горах обществами, и тогда начинается между ними сражение. Далеко разносится по горам грохот неистовой битвы, и повторяет его эхо гор. Многие цыгане уверяют, что им не раз приходилось слышать, как бьются лошоличи с джукланушами. Однажды один цыган уверял врача, что он оглох только потому, что слышал, как бьются в горах лошоличи с джукланушами, при этом цыган воскликнул: «Ах, если бы мне только встретить как-нибудь джуклануша! Я попросил бы у него всего только один волосок с его головы, и был бы опять здоров!»

Цыгане верят, что волосы с головы джукланушей исцеляют от всех болезней.

Из этих сражений джукланушей с лошоличами чаще выходят победителями джуклануши, благодаря своей ловкости. Лошоличам, бросив на произвол судьбы своих раненых и убитых, приходится спасаться бегством от преследующих по пятам джукланушей и стараться укрыться в глубоких темных пещерах. Если во время битвы ранен джуклануш, то его исцеляют следующим образом: джуклануши разыскивают в горах человека и просят у него дать им несколько капель крови. Эту кровь они капают на язык раненого, и он немедленно исцеляется: рана его заживает, и он снова приобретает свою чудовищную силу и ловкость.

Почти все джуклануши – слуги царя туманов. Они охраняют волшебное дерево, которое растет перед дворцом царя. На этом дереве три золотых яблока: одно яблоко дает людям счастье, другое – здоровье, а третье – богатство. Если сорвать золотые яблоки с дерева, то на их месте тотчас же вырастают три новых, так что на дереве всегда три яблока, сколько бы их ни срывали. Много было бы на белом свете здоровых, счастливых и богатых людей, если бы только знали люди, где находится дворец царя туманов. Но этого не знает никто, Джуклануши были раньше людьми и притом часто хорошими, добрыми людьми. Могут ли джуклануши опять вернуть себе прежний образ, снова стать людьми и жить прежней жизнью? Могут, но это очень трудно и случается крайне редко. Для того чтобы джуклануш стал опять человеком, его должна полюбить девушка и поцеловать его в собачью морду. А как полюбить девушке чудовище с собачьей головой и ногами?

Ниваши и дочери нивашей.

В глубоких реках живут злые ниваши. Они ненавидят людей и стараются всеми способами погубить их. Опасно идти через мост и не только ночью, но даже днем, если нет никого поблизости. Из реки может выскочить толстый ниваш с огненно-красными волосами, такой же длинной бородой по пояс, с зелеными глазами и с лошадиными копытами. Схватит он своими лапами человека и утащит на дно реки в свое жилище. Там он вынет колдовством из человека душу, посадит ее в горшок, засмолит его и будет радоваться, прислушиваясь, как жалобно стонет душа в горшке.

Чтобы обезопасить себя от нивашей, цыган, идя по мосту, три раза плюет в реку, так как верит, что тогда не выпрыгнет ниваш из воды. Новобрачные, возвращаясь после венчания, если им приходится идти мимо реки, никогда не забывают бросить в воду несколько яблок и орехов, чтобы снискать этим расположение нивашей; ведь ниваши великие чародеи, они не только умеют лечить все болезни, но могут и насылать болезни, и лучше человеку стараться, насколько это возможно, жить в дружбе с нивашами, не раздражать их.

У нивашей можно многому научиться. Все ведьмы и колдуньи – ученицы нивашей. К ним выходят ниваши из реки и учат их колдовству. Коль повадится женщина, особенно старая, ходить часто на реку, да еще ночью, то цыган уверен, что ходит она к нивашам учиться колдовству. Нужно очень остерегаться таких женщин.

Ниваши живут одиноко на дне реки. Жен у них нет. Хотя и живут в реках «дочери нивашей», но они не их дети и живут почти всегда отдельно от нивашей, в своих дворцах, где все блещет золотом и серебром, и где собраны несметные богатства. Каждая «дочь ниваша» имеет в подчинении ниваша, который служит ей и должен исполнять все ее приказания. «Дочери нивашей» не так враждебно относятся к людям, как ниваши. Они часто выручают людей, когда те, на свою беду, попадут в лапы нивашам. Прекрасны «дочери нивашей», стройные, белые, с голубыми глазами и длинными волосами, спадающими с их головы волнистыми прядями, словно туман. Эти волосы закрывают все их тело, и оно розовеет сквозь них. На ногах у «дочерей нивашей» красные туфельки, и в них они танцуют по ночам на поверхности реки или на лугах, залитых росой, водят хоромы и поют нежным голосом песни; пение их так и манит, чарует человека. Но беда молодому цыгану, если он заслушается этого пения и пойдет к хоро-воду «дочерей нивашей». Они схватят его и утащат на дно реки.

Часто заманивают «дочери нивашей» хитростью молодых цыган в реку, чтобы там сделать их своими мужьями. Если «дочь ниваша» утащит молодого цыгана на дно реки, то уже больше не увидать ему своего табора. Крепко целует «дочь ниваша» в губы молодого цыгана, которого утащила она на дно реки. У цыгана от этого поцелуя отваливается верхняя губа, и он становится бимуйакром, т.-е. безгубым. От брака такого бимуйакра с «дочерью ниваша» родятся трое детей. Первым родится мальчик, у которого в теле нет ни единой косточки. Этот мальчик тотчас после рождения может плавать и бегать. Когда он вырастет, то становится нивашем. После мальчика у «дочери ниваша» родятся одна за другой две девочки. У них кости в теле есть. Это будущие «дочери нивашей». Вскоре после рождения второй, дочери «дочь ниваша» и ее муж умирают. Они умирают в один и тот же час. Лишь только «дочь ниваша» и ее муж умрут, как на реке поднимется буря. Волны пойдут по реке, вода забурлит, запенится; порывы ветра со свистом пронесутся над водой. Но недолго продолжается буря. Как неожиданно-негаданно поднялась она, так сразу и стихает, и река снова спокойна и тихо катит свои воды, словно и не было бури. Цыгане отлично знают, коль налетит неожиданная буря, что только что умерли «дочь ниваша» и муж ее «бимуйакр», и что прилетал дьявол завладеть их душами и утащить их в преисподнюю.

Мулы.

Бледные, словно мертвецы, с тусклыми безжизненными глазами, лохматые, отвратительные мулы живут в горных пещерах. Тело их не имеет костей, и чтобы придать телу силу и упругость, каждый год мулы варят друг друга в котлах. Не делай они этого, не могли бы они держаться на ногах, их тело стало бы мягким, словно старая тряпка.

Мулы крадут из могилы мертворожденных детей, обрезают им на руках средние пальцы, уносят к себе в пещеры и там варят их в росе, собранной по каплям па лугах. Такие дети, когда вырастают, становятся мулами.

Несметные сокровища хранят в своих пещерах мулы, – украденные ими ночью у людей драгоценности. Не только воровством занимаются мулы. Неслышными шагами они прокрадываются ночью в дома и палатки цыган, садятся на грудь спящему и греются. Стонет во сне человек, к которому на грудь уселся мул, давит его мул своею тяжестью. Если же мул чем-нибудь рассержен, то он бросает в спящих камни, душит их и всячески мучает, а когда человек проснется, тогда мул свертывается, словно еж, в клубок, – ведь костей у него в теле нет, – и катится с быстротой ветра в горы. Часто можно видеть в ясную лунную ночь, как бежит по полю тень: «Это катится мул», говорят цыгане.

Мулы живут в пещерах по несколько вместе. Часто по ночам они пируют. Особенно роскошные пиры устраивают они, когда справляют свои свадьбы. В жены себе крадут мулы красивых девушек цыганок. Их они варят так же, как и мертворожденных детей, в росе. Через некоторое время из тела девушки без боли вываливаются кости, она забывает о прежней жизни и становится женщиной – мул, такой, же бескостной, такой же отвратительной, как похитивший ее мул, ее будущий муж.

Только в ночь на новый год могут мулы похищать девушек-цыганок из таборов. Боятся этой ночи молодые цыганки и, чтобы обезопасить себя от мулов, посыпают свою постель семенами дурмана, этих семян боятся пуше огня все мулы.

Жизнь мулов коротка. Каждый мул живет только тридцать лет, а как исполнится ему тридцать, так он умирает и должен вернуться обратно в ту могилу, из которой похитили его только что родившимся ребенком мертвецом. Из могилы же мул идет в преисподнюю во власть дьявола.

Цыгане очень боятся, как бы не украли из могилы отвратительные мулы мертворожденного. Чтобы охранить его от этого, они кладут в могилу кусок мяса, надеясь, что мулы ошибутся и вместо мертворожденного утащат мясо. Или же цыгане кладут в могилу мертворожденного горох. Его мулы боятся не меньше, чем семян дурмана.

Шигномануши.

Не одними чудовищными, злыми существами населены горы, леса и пещеры. В пещерах живут и карлики-шигномануши, крошечные человечки, ростом в палец, не больше. Они хранят богатства, скрытые в пещерах. Шигномануши добрые, сострадательные существа. Нередко случалось, что они выручали людей из беды. Часто делятся шигномануши своими богатствами с сиротами и цыганами-горемыками. Уделяя им лишь самую малую часть своих сокровищ, которым и числа нет, шигномануши делают людей сказочно-богатыми.

Шигномануши живут всегда парочками – муж с женой. Зимой они любят перебраться из холодных пещер куда-нибудь в теплые хаты. Ночью они доят коров и пьют с наслаждением парное молоко. Это не причиняет убытка владельцу коровы, так как она, если доят ее шигномануши, дает молока вдвое больше, чем обыкновенно, и его с избытком хватает и хозяину и шигноманушам.

Домохозяину приносит счастье то, что у него поселились на зиму шигномануши. Скот его уже ни в коем случае не будет болеть, шигномануши вылечат его. Они умеют лечить не один скот, а и людей, и при том от всех решительно болезней. Особенно счастлив тот человек, которому шигномануш даст несколько волосков из своей бороды. Эти волосы дают людям богатство и здоровье.

Пшувуши.

Как люди живут на земле, так глубоко под землей живут гномы-пшувуши. Там у них таборы, деревни и города. Пшувуши – это земляные человечки небольшого роста, все сплошь покрытые густыми волосами и очень безобразные. Вход в подземное царство пшувушей закрыт большими черными камнями, вокруг которых растет густая жгучая крапива, которой пшувуши топят свои печи. Чтобы выйти из-под земли, пшувуши касаются камня волшебным красным яйцом, и камень отодвигается, а когда пшувуш выйдет, камень сам собой становится на место, словно и не двигался. Кроме красного яйца, у пшувушей есть еще белое волшебное яйцо. Его они бросают на землю, если далеко уйдут от выхода из подземного царства и не знают дороги назад. Яйцо катится перед пшувушем и приводит его к черному камню. Если же наступит ночь, то яйцо светит пшувушу ярко, как солнце. Пшувуши ходят по земле, обыкновенно, невидимкой. Наденет пшувуш на голову свою шапку, оставив снаружи лишь три золотых волоса, и станет невидимым; а покроет шапкой и эти волосы как тотчас, делается видимым всем и каждому.

Жизнь каждого пшувуша скрыта в яйце, а яйцо это в черной курице. Чтобы убить пшувуша нужно поймать эту черную курицу, достать из нее яйцо с жизнью пшувуша и бросить его в воду. Тотчас вода забурлит, закипит, земля дрогнет, словно случилось землетрясение, и тот пшувуш, жизнь которого в яйце, умирает.

Пшувуши большей частью помогают людям, зло им они редко делают. Но если их рассердить, то они могут натворить немало бед. Они крадут у матерей малолетних дочерей и утаскивают их к себе под землю, где, выросши, они становятся женами безобразных пшувушей. Случается, что они уводят под землю и взрослых цыганок. Особенно враждебно относятся пшувуши к дровосекам и лесникам, так как они часто, вовсе и не подозревая этого, заваливают входы в подземное царство пшувушей.

Но, уже раз полюбят кого пшувуши, то непременно сделают своего любимца счастливым на всю жизнь. Они одарят его золотом, серебром и драгоценными камнями; всего этого у них много под землей. Еще лучше, если даст пшувуш человеку, который чем-либо угодил ему, один только волос со своей головы. Этот волос сделает человека таким богачем, какого и на свете нет, да и не бывало. Стоит только прикоснуться волосом пшувуша к любому камню, как он тотчас превращается в чистое золото.

Однажды женщина-пшувушка за услугу, оказанную ей молодым цыганом, одарила его так: она вырвала волос из головы и бросила его в костер, у которого сидел цыган, и в один миг дрова и угли в костре превратились в золото.

Машурдалы.

В пещерах и под землей живут карлики-гномы шигномануши и пшувуши, а в горах живут, в противоположность им, великаны машурдалы. Насколько малы шигномануши, настолько громадны машурдалы; насколько умны карлики-гномы, настолько глупы великаны. Если бы они были не так глупы и если бы не было так легко их обманывать, много бед натворили бы они людям. Они великие охотники до человеческого мяса, и как попадетсЯ им в лапы человек, то непременно съедят его. Но людям смелым и хитрым постоянно удавалось обманывать машурдалов и спасаться. Да не только спасаться, а ещё и похищать у них все сокровища.

Машурдалы живут в горах семьями. У каждого из них есть жена-великанша и по несколько человек детей. Жизнь каждого машурдала таится в яйцах черной курицы. Такая курица есть у каждого машурдала, и он постоянно носит ее с собой. Если машурдал смертельно болен или ранен, то он проглатывает яйцо, снесенное его черной курицей, и становится здоровым и невредимым. Чтоб убить машурдала, нужно прежде убить черную курицу и уничтожить все яйца, а потом с глупым машурдалом справиться уже не так трудно, нужно только действовать не силой, а хитростью.

Лейла

В стародавние времена жил-был могучий король. Много земель и городов было у него. Все соседи боялись этого короля, так как войско его было непобедимо, оно не знало ни одного поражения. Но состарился король и умер. Остались после него сын да дочь, такая красавица, какой не было ни раньше, ни после, да и не будет никогда; и описать невозможно красоты Лейлы, так звали дочь короля. Сын короля вышел совсем не в отца. Был он злой и завистливый, да и умом не наградил его бог; известно, что человек злой да глупый никуда не годится, будь он хоть король.

Вскоре после смерти отца женился молодой король на дочери одного из своих вельмож. Красива была молодая королева, этого отрицать нельзя, ну, а до Лейлы ей было далеко. Вот на небе блещут звезды, ярко горят они ночью, а как взойдет солнце, так затмит оно все звезды своим блеском. Так было и с красотой молодой королевы. Нет Лейлы, – все любят королеву, а вошла Лейла, – и смотреть никто не хочет. Завидовала молодая королева Лейле и все уговаривала мужа:

– Прогони Лейлу из нашего царства. Не могу я жить с ней. Смотри, как все смотрят на нее, как любят. Чего доброго, она еще уговорит народ лишить тебя царства, и сама станет королевой.

Сначала король не слушал жены, но потом, заметив, что она стала бледнеть да худеть, а худела она, конечно, от зависти, решил прогнать Лейлу. Призвал король сестру и сказал ей:

– Слушай, сестра, сегодня же собирайся и уходи из моего царства, чтобы вечером уже не было тебя здесь во дворце. Помни! если я узнаю, что ты скрываешься где-нибудь в моем царстве, я прикажу моим солдатам схватить тебя и казнить, хоть ты и сестра мне. Все должны исполнять повеления короля, кого бы они ни касались!

Закрыла прекрасная Лейла лицо руками, горько, горько заплакала и сказала сквозь слезы:

– Брат мой, за что же ты губишь меня! Разве виновата я в чем-нибудь перед тобой! Ведь я всегда так любила тебя! Вспомни, как росли мы с тобой, как играли в детстве, вспомни, как дружны мы были всегда. Памятью наших покойных родителей заклинаю тебя, не губи меня!

Но злой король ничего не хотел слушать, он только нахмурился и сказал:

– Ты можешь плакать, сколько твоей душе угодно. Ваши женские слезы – что вода. Я не изменю своего решения. Плохо будет, коль король то и дело будет отменять свои приказы. Родители же наши тут ни при чем, нечего тревожить их память. Иди, собирайся в дорогу, и чтобы к вечеру тебя здесь не было.

Упала Лейла перед братом на колени. С рыданием молила она его сжалиться. Но не тронули мольбы сестры злого брата. Он позвал слуг и велел увести Лейлу.

Недолго собиралась Лейла в путь. Вскоре ушла она из дворца. Лейла ничего не взяла с собой. Даже свое богатое платье она сняла и взяла у одной из своих служанок простое, старое платье.

Удивились жители города, когда увидели, что идет Лейла одна по улицам, плохо одетая, и горько плачет. Но спросить ее, куда она идет, они не посмели, ведь все же она была королева, дочь покойного короля. Еще больше удивились жители города, когда увидели, как Лейла вышла из городских ворот и пошла через поле все дальше и дальше к лесу, который виднелся вдали.

Долго шла Лейла. Вот миновала она поле и пошла лесом; вот и лес кончился. За лесом опять потянулись поля, а за ними в голубой дали синели горы. Начинало темнеть, потом наступила ночь. Переночевала Лейла в поле под стогом сена, а ранним утром, еще до восхода солнца пошла дальше. Проходя через деревню, она попросила у одной крестьянки хлеба, словно нищая, а ведь всего-то день тому назад она была королевной и жила во дворце, где

все сверкало золотом и серебром. Сжалилась крестьянка над красавицей Лейлой, накормила, напоила ее, и все расспрашивала, кто она:

– Не может быть, – говорила крестьянка, – чтобы ты была простая девушка. У крестьянок не бывает таких нежных белых рук. А красавица-то какая! Такой и на свете-то не найдется другой! Кто ты?

Лейла опустила только голову и ни слова не проронила в ответ. Крупные слезы полились у нее из глаз. Встала она, низко поклонилась крестьянке, поблагодарила ее и пошла. Сунула ей в руку крестьянка кусок хлеба, проводила на улицу и долго смотрела ей вслед.

Только к вечеру дошла Лейла до гор. Высоко к облакам подымались эти горы. Все их склоны были покрыты густым лесом. На краю этого-то леса, в небольшой пещере, у подошвы горы стала жить Лейла, совсем одна и всеми забытая. Питалась она ягодами да плодами диких яблонь и груш. Часто голодала Лейла, нередко думала даже, что умрет с голода.

Высоко на вершине той горы, у подошвы которой жила Лейла, жили три прекрасные кешалии – волшебные духи-дочери царя туманов. Две из них были добрые, а третья злая. Часто кешалии в своих белых, легких одеждах сидели на вершине горы, расчесывали золотыми гребнями свои волосы, мягкие и тонкие, как самый нежный шелк, и смотрели вниз в долину. Они видели, как живет Лейла, как голодает она. Две добрые волшебницы-кешалии очень жалели ее, а злая была безучастна к страданиям Лейлы. Однажды волшебницы сидели на скале, освещенные лучами заходящего солнца; их волосы длинными прядями спускались вниз и стлались, подобно туману, по склону горы. Вдруг одна из них воскликнула, указывая вниз:

– Смотрите, сестрицы, вон идет Лейла! Бедная, как похудела она, платье совсем износилось и висит лохмотьями. Она шатается от слабости! Несчастная Лейла!

– Ах, бедная, бедная Лейла! Как мне жаль ее, – сказала другая волшебница-кешалия. – Надо ей помочь. Вот что я сделаю: брошу ей несколько моих волос, она поймает их, когда они полетят мимо нее по ветру, и съест. От этого родится у нее сын. Он будет помогать матери и защищать ее.

– А я сделаю вот что! – весело воскликнула первая кешалия. – Спущусь утром к ее пещере, топну ногой, и потечет золотой ручеек, еще раз топну, и вырастет на берегу ручья золотое дерево, а на нем будут всевозможные плоды, какие только есть на свете, и сколько ни будет рвать их Лейла, все будут вырастать новые.

Вырвала первая волшебница-кешалия прядь волос; как паутина осенью полетели волосы кешалии по ветру, и прямо к Лейле. Она поймала их и съела. Увидала это третья волшебница-кешалия, которая молчала, пока говорили ее сестры о том, как помочь Лейле, теперь и она заговорила. Зло улынувшись, чуть слышно прошептала она:

– Теперь у Лейлы родится сын. Ладно, я позабочусь о том, чтобы он не всегда был счастлив, когда вырастет и станет отважным мужчиной.

Первые две кешалии хорошо слышали, что сказала их злая сестра, но сделать ничего не могли; их сестра определила судьбу сына Лейлы.

На рассвете вторая волшебница-кешалия, как и обещала, спустилась с горы и пошла к пещере Лейлы. Топнула она два раза ногой, и тотчас побежал по камням золотой ручеек, и выросло на его берегу высокое золотое дерево.

Как обрадовалась прекрасная Лейла, когда утром, выйдя из пещеры, увидала она, что у самого входа в пещеру бежит золотой ручеек, сверкая меж камнями, а на его берегу жаром горит в утренних лучах солнца высокое золотое дерево, ветки которого гнутся под тяжестью всевозможных плодов. Яблоки, груши, вишни, сливы, персики, апельсины – каких только плодов не было на дереве, и все спелые, крупные да сочные. Поела плодов с дерева Лейла, подошла к ручью, стала на колени, зачерпнула в пригоршню воды и стала пить. Как изумилась она, сделав первый глоток. В ручье была не вода, а прекрасное, ароматное вино, какого не найти

и в самых богатых королевских погребках. Теперь Лейла могла быть спокойна. Не грозила ей больше голодная смерть.

Вскоре родился у Лейлы прекрасный здоровый ребенок с кудрявыми, мягкими, как шелк, волосами, а на шейке ребенка, словно шнурочек, шла красная полоска. Увидав эту полоску, обрадовалась Лейла: она знала, что это шнурок свитый волшебницей-кешалией и надетый на ребенка в знак того, что кешалия сулит ему счастье в жизни. По этой красной полоске назвала Лейла своего сына Лоло, то есть Красный. Взяла она мальчика на руки и понесла его купать в золотом ручейке. Только погрузила она нежное тельце сына в ароматное вино ручья, как вдруг стал расти ее сын. Не прошло и нескольких минут, как стал он высоким, стройным юношей. Таким же прекрасным, как его мать. Теперь у Лейлы появился и помощник и защитник.

Счастливо зажили мать с сыном в пещере. Сын охотился в горах. Мать пряла шерсть и ткала ее на одежду себе и сыну. Золотое дерево давало им плоды, а ручей вино; ни в чем не нуждались мать с сыном. Так бы и жили они беспечно и в довольстве. Но ведь злая волшебница-кешалия определила судьбу Лоло. Он должен был испытать горе, став сильным и храбрым мужчиной. Это горе не заставило долго ждать себя.

Злой брат Лейлы и, что еще хуже, его жена узнали, что на границе их царства живет в пещере Лейла с сыном, а перед пещерой бежит золотой ручей и растет золотое дерево. Опять обуяла зависть королеву, и стала она упрашивать мужа:

– Прогони Лейлу с сыном из нашего королевства; ведь она не исполнила твоего приказания, и хоть на самой границе, а все же осталась в королевстве. Дерево же золотое вели пересадить к нам в сад. Ты только подумай, как будут все завидовать тебе, когда в твоём саду будет расти такое чудо!

Не пришлось королеве долго упрашивать мужа. Он призвал одного из своих вельмож, который славился своей жестокостью, дал ему отряд солдат и послал выгнать Лейлу с сыном из королевства и привезти золотое дерево.

Отправился вельможа с солдатами исполнять повеление короля. Весь день и всю ночь шли солдаты. Утром, когда солнце уже взошло, подходили они к той горе, у подножья которой жила Лейла с сыном. Издали увидели солдаты, как сверкает, словно звезда, золотое дерево, и пошли прямо к нему. Лейла, увидав приближающийся отряд солдат, спряталась скорее в пещеру. Лоло же не было дома, он еще на рассвете ушел на охоту в горы. Как только солдаты подошли к пещере, так и бросились прямо к ручью и стали жадно пить вино. Через несколько минут все они были пьяны. Одни из них полезли на золотое дерево рвать плоды, другие рвали с него золотые листья и ломали ветки, третьи стали отнимать друг у друга драгоценную добычу. Начались между ними ссоры, ссоры перешли в общую свалку.

Но вот увидели солдаты пещеру и бросились в нее.

Лейла спряталась в самой глубине пещеры. Солдаты, ворвавшись толпой в пещеру, хоть и были пьяны, все же сразу заметили, что здесь кто-то живет. Они увидели две грубо сколоченные кровати, покрытые медвежьими шкурами, стол, скамейку, ткацкий самодельный станок и прялку.

– Смотрите, ребята! – закричал один из солдат, схватив прялку, – да здесь есть женщина! Небось спряталась где-нибудь! Ищите ее!

Принялись солдаты искать, все раскидали, разломали, наконец, в самом дальнем углу пещеры нашли Лейлу, вытащили ее из пещеры и убили. Умирая, успела только Лейла два раза громко крикнуть: «Лоло, Лоло!»

Убив Лейлу, солдаты бросились опять к ручью и снова стали пить вино.

Но на горе себе пили солдаты. Вот упал мертвым один солдат; вот другой грохнулся на землю, бездыханным; за ним свалился третий, а там еще и еще. Вскоре все солдаты лежали распростертыми на земле. Добрые кешалии отомстили за смерть, неповинной Лейлы.

Лоло возвращался уже домой, когда донесся до него издали призыв матери: «Лоло! Лоло!» Он остановился и прислушался. Вновь раздался призыв.

– Это мать зовет на помощь! – воскликнул Лоло, узнав голос матери.

Сбросил он с плеч добычу и побежал к пещере. С быстротой оленя несется Лоло на помощь. Вот видна пещера, вот добежал Лоло до ручья и остановился пораженный. Всюду лежат трупы солдат. С ужасом смотрит на них Лоло. Но где же его мать? Не спряталась ли она в пещере? Пошел к пещере Лоло и увидел у самого входа труп матери.

Долго рыдал Лоло, обняв холодное тело Лейлы. Наконец, поднял его, отнес к золотому дереву, омыл, вырыл глубокую могилу и похоронил в ней мать, закрыв её тело ветвями золотого дерева. Весь день и всю ночь просидел Лоло у могилы матери. Утром, когда рассвело, встал и пошел в горы, куда глаза глядят. Не хотел Лоло оставаться там, где была убита его мать.

Лишь только Лоло ушёл, как иссяк золотой ручей, а золотое дерево превратилось в могучий столетний дуб, и прикрыл он своими ветвями могилу Лейлы.

Далеко за высокие горы ушел Лоло. Он стал знаменитым охотником и наездником, самых диких коней укрощал он. Вскоре женился Лоло, а бог послал ему многочисленное потомство. Когда Лоло был уже древним, древним стариком, созвал он всех своих сыновей, внуков и правнуков и сказал им:

– Скоро умру я, ведь мне уже сто с лишком лет. Помните же, дети мои, завет вам: живите все вместе, дружно, одним родом, и зовитесь в память моей матери родом Лейла.

А злого короля, брата Лейлы, и его жену наказали волшебницы-кешалии. В тот самый час, как убили Лейлу солдаты, ослепли король и королева. Выгнали их из дворца вельможи, а на место слепого короля избрали из своей среды нового. Всю жизнь скитались по чужим странам брат Лейлы и его жена слепые, нищие, питаясь объедками и подаянием.

Кешалии и три дровосека

Жили-были три дровосека: Джован, Тодор и Нику. Джован был малый хороший, Тодор хоть и неплохой был человек, да с придурью, а Нику был глупый, да к тому еще и злой. Как-то в осенний солнечный день поехали эти цыгане, дровосеки, в лес, растущий по склону высокой горы, дрова рубить. Приехали они в лес, отпрягли лошадей, пустили их пастись на поляне, а сами принялись за работу. День был теплый, тихий. Захотелось одному из дровосеков, Тодору, пить, а воды-то с собой из деревни цыгане захватить позабыли. Вспомнил Тодор, что поблизости есть родник, и говорит товарищам:

– Пойду-ка я напиться, здесь недалеко есть родник.

– Иди, да скорее возвращайся, – ответил ему Джован, – гляди, солнце уже низко? а работы еще много.

– Нет, я мигом вернусь, – сказал Тодор и пошел через лес в горы.

Вышел из леса Тодор, остановился и стал припоминать, где это он видел в этих местах родник. Вспомнил он, где родник, и пошел к нему. Подошел к роднику, смотрит, а в нескольких шагах от родника тянется по воздуху осенняя паутина и сверкает серебряными нитями на солнце.

– Ишь, сколько паутины, – подумал Тодор.

Стад смотреть он, откуда это летит паутина, а она длинными густыми прядями стелется над землей по камням, скатившимся с горы, и тянется, словно туман, прямо к скале, которая высится у самого родника.

«Никогда не видывал столько паутины, – думает Тодор, – что бы это значило? Уж не распустила ли волшебница-кешалия свои волосы?»

Взглянул Тодор на скалу и увидал на самой вершине прекрасную волшебницу-кешалию, в белоснежной одежде. Она сидела спиной к Тодору и расчесывала золотым гребнем волосы. Глуповатый Тодор решил, что кешалия не заметит его, если он осторожно оборвет несколько её волосков. Он подкрался к волосам, протянул руку, чтобы поймать легкую, серебристую прядь волос.

– Вот будет рада жена, – прошептал Тодор, – съест она эти волосы, родятся у нас дети, и не будем мы бездетными.

Только схватил Тодор прядь волос волшебницы и чуть-чуть потянул к себе, как обернулась кешалия и увидала Тодора. Не успел Тодор и руки отдернуть, как схватила фея громадный камень и бросила им в Тодора. Со всех ног бросился бежать Тодор к лесу, а кешалия пустила ему вдогонку еще два камня. Со страху Тодор забыл и об источнике, и о жажде.

Вернулся Тодор к своим товарищам, а они спросили его:

– Ну, что, Тодор, нашел источник?

– Нашел! – буркнул себе под нос Тодор. Взглянул на него Джован и сразу заметил, что с Тодором что-то случилось, и спросил его:

– Что это с тобой, Тодор? Смотри, как тяжело ты дышишь, да и побледнел ты. Не случилось ли чего-нибудь с тобой?

– Ничего не случилось! – проворчал недовольным голосом Тодор, – это от того, что я, очень спешил назад и бежал. – А про фею-волшебницу Тодор не сказал ни слова.

Наконец, окончили дровосеки работу. Нагрузили три телеги дровами, и Нику пошел искать лошадей, так как они ушли с поляны. Насилу нашел их Нику за скалой у того самого источника, к которому ходил Тодор.

Кешалия по прежнему сидела на скале и, подперев голову рукой, смотрела куда-то вдаль. Что взбрело в глупую голову Нику, кто знает, – только схватил он камень, размахнулся и, что было сил, пустил им в кешалию. В волшебницу камень, конечно, не попал. Где же было

Нику добросить до вершины скалы камнем. Ударился камень о скалу. Кешалия обернулась и увидала Нику, который нагибался еще за другим камнем. Гневом сверкнули прекрасные очи феи-кешалии. Она схватила целый обломок скалы и бросила эту глыбу камня в Нику. Чудом спасся Нику. Обломок скалы упал всего в трех шагах от него прямо на лошадей и раздавил их своей страшной тяжестью. Без оглядки бросился бежать Нику к товарищам. Едва переводя дух, прибежал он к ним и закричал:

– Только что негодная кешалия убила наших лошадей!

– Что ты говоришь? Как это случилось? – воскликнули в страхе Джован и Тодор.

– Подошел это я к скале, у которой паслись лошади, смотрю, на скале сидит кешалия. Увидала она меня, как схватит чуть не целую скалу, да как бросит в меня! Камень упал, на лошадей и раздавил всех трех, словно козлявок. Не знаю, как я сам-то ноги унес!

– Здесь что-то не так, – сказал Джован. – Не обидел ли ты чем-нибудь кешалию, ведь так, за здорово живешь, лошадей убивать она бы не стала.

– Ну, уж не знаю, зачем убила она наших лошадей. Только я ее трогать не трогал, и обижать не обижал, – солгал Нику и конечно, скрыл от товарищей, что он бросал в кешалию камнем.

– Что же мы будем теперь делать? – спросил Тодор.

– Придется идти в деревню и привести других лошадей, – ответил Джован. – Не оставлять же телеги с дровами в лесу. Пойдемте: скорее, а то мы и до ночи не управимся.

Пошли цыгане в деревню. Путь в деревню лежал мимо скалы, возвышавшейся у подошвы горы, на самой опушке леса. Когда цыгане проходили мимо этой скалы, Нику взглянул на ее вершину и увидел на ней трех кешалий.

– Стойте! – закричал он Джовану и Тодору, указывая на фей-кешалий. – Вот они злодейки! Погодите, негодные! Я вам покажу, как убивать чужих лошадей! Жаль только, что я не знаю, которая из вас бросила камень!

– Что ты делаешь! – воскликнул в ужасе Джован, увидав, как Нику замахнулся топором.

Бросился к нему Джован, но было уже поздно. Из всех сил запустил Нику топором в кешалий. В них он, разумеется, не попал. Топор не долетел и до половины скалы. Но на этот раз не спасся Нику. Громадный камень, брошенный одной из кешалий, упал на него. Земля дрогнула от его тяжести. Едва успел отскочить Джован. Тяжелый камень накрыл Нику, и он погиб, не успев даже вскрикнуть. Кешалии же вдруг исчезли. Обезумев от ужаса, бросились бежать в деревню Тодор и Джован. Вбежали они, чуть не задохнувшись, на невысокий холм, за которым была деревня. Смотрят, а вся деревня в огне, и дым густым, черным столбом подымается к самому небу.

– Смотри, Тодор, деревня горит! – всплеснув руками, закричал Джован. – Теперь мы с тобой нищие! Все у нас погибло!

– Бежим скорее, может быть, удастся хоть что-нибудь спасти! – крикнул Тодор и побежал с холма. Джован бросился за ним. Он догадывался, что это мстят им волшебницы-кешалии.

Когда Джован с Тодором прибежали в деревню, то увидали, что о спасении чего-либо из пожитков и думать нечего. Вся деревня была сплошным морем огня. Все жители ее бежали в поле, чтобы хоть самим-то остаться в живых и не погибнуть в разбушевавшемся пламени, раздуваемом вдруг поднявшимся ветром.

Стали Джован и Тодор расспрашивать, как это могло случиться, что деревня запылала сразу со всех концов. Один старик рассказал им:

– Каких-нибудь полчаса тому назад сию я у двери моего дома, вдруг вижу – идут три женщины в белых одеждах, а волосы их развеваются за ними длинной пеленой. Сразу узнал я в них волшебных фей – кешалий. Ну, думаю, это не к добру. Только подумал, как взмахнет одна из кешалий рукой, и запылал сразу дом моего соседа, Дарежа, да сразу от земли и до крыши; насилиу жена его успела выбежать из дома. Потом вспыхнул следующий дом, за ним еще

и еще дом. Как шли кешалии по деревне, так и загорались все дома, все постройки от одного взмаха их руки. И за что только разгневались на нас кешалии? Уж не оскорбил ли их кто-нибудь из нашей деревни? Вот они нам и отомстили. Рассказал тогда Джован, что случилось с ними в лесу, и как погиб Нику. Все в деревне решили, что кешалии сожгли деревню, мстя за оскорбление, нанесенное им глупым Нику, бросившим в них топором. Про свою же встречу с кешалией Тодор не рассказал, чтобы не подумали его односельчане, что и он виноват во всеобщем бедствии.

Королева кешалий

Шли как-то раз два цыгана, Марко да Никош, по лесу в горах. Оба цыгана были бедные и шли в город искать работы. День был жаркий. Притомились цыгане и сели отдохнуть под тенью высокого бука на камень. Только сели они, как увидел Никош, у самого камня большую, безобразную жабу, которая медленно ползла к кустам, разросшимся у дороги.

– Смотри-ка, Марко, – сказал Никош. – Вот так гадина, да еще жирная какая. Эдаких жабищ я и не видывал. Погоди-ка, я раздавлю ее.

Никош вскочил с камня и занес уже ногу, чтобы наступить на жабу, как Марко схватил его за рукав и сказал:

– Оставь ее, Никош, пусть ползет, ведь вреда она никому не делает, за что ее давить?

Никош послушался и сел на камень. Оба приятеля стали наблюдать за жабой, как она, едва передвигая толстые лапы, ползла в траве между камнями и, наконец, скрылась в кустах.

Отдохнув, цыгане пошли дальше и вскоре забыли про большую, безобразную жабу. Долго шли по горам Марко и Никош. Стало темнеть. Ночь приближалась. В горах становилось все неприветливее, как-то жутко. До города было далеко, а жилья кругом не было видно.

– Придется нам заночевать в горах, – сказал Никош.

– Да, придется, но это еще не беда, – ответил Марко, – а беда, что есть хочется до смерти, а есть-то у нас нечего, и хлеба попросить не у кого.

– Что поделаешь, видно судьба нам лечь сегодня на тощий желудок, да еще в лесу, – сказал печально Никош. – Расположимся хоть здесь под деревом.

– Нет, погоди, – продолжая шагать по дороге, сказал Марко, – подыдемся раньше на эту горку, отсюда до ее вершины недалеко; посмотрим, не увидим ли мы деревни.

– Что ж, пойдем. Только напрасно идти дальше, все равно ничего не увидим. Видишь, как быстро темнеет. Когда мы взойдем на гору, и в десяти шагах ничего не будет видно.

– Ну, пойдем все-таки, может быть, блеснет где-нибудь огонек.

Приятеля стали подниматься в гору. Когда они взойшли на нее, стало почти совсем темно. Черные тени лежали в долинах. Кое-где тянулся серыми полосами туман. Да далеко, далеко чуть розовела вершина какой-то горы. Стали присматриваться цыгане. Нет, ничего не видно! Долго стояли они так и уже хотели спуститься с горы, дойти до небольшого лесочка у ее подошвы и заночевать там, как вдруг Никош воскликнул, указывая рукой на долину, окутанную густыми сумерками:

– Смотри, Марко, не огонь ли блеснул вон там!

– А ведь, правда, огонь! – сказал Марко, присмотревшись, – идем скорее! До полной темноты мы успеем еще добраться до него. Под гору идти легче.

Была уже темная ночь, когда цыгане пришли к большому черному дому, одиноко стоявшему на каменистой площадке. С удивлением рассматривали приятели этот дом.

– Что это за домина, – прошептал Марко, – какой громадный, да черный весь. Не случилось бы с нами чего. Кто знает, что за люди живут в нем.

– Да кому мы с тобой нужны, и взять-то у нас нечего, – тоже почему-то шепотом ответил Никош. – Постучи-ка в дверь и попроси хлеба.

Постучали цыгане и попросили хлеба. Дверь в дом отворилась, и ласковый женский голос пригласил их войти. Вошли цыгане. Красивая стройная девушка провела их в богато убранную комнату. Посередине стоял стол, сплошь уставленный драгоценной посудой; по стенам на резных полках стояла золотая и серебряная утварь; тяжелые, шелковые занавеси закрывали окна; люстра с восковыми свечами ярко освещала комнату. Такого богатства и во сне не снилось цыганам. Словно окаменев, остановились они в дверях, озираясь по сторонам, и опасаясь войти в комнату.

– Не бойтесь, – сказала девушка, – проходите, садитесь за стол, ешьте и пейте, а потом мы вас и спать уложим.

Не заставили себя долго упрашивать цыгане. Сели они за стол и принялись уписывать за обе щеки все, что было на нем поставлено, а девушка прислуживала им. Когда цыгане были уже так сыты, что кусок не лез им в горло, открылась дверь, и в комнату вошла высокая, величественная женщина с белыми, как снег волосами. При ее появлении цыгане встали и низко ей поклонились; они поняли, что это хозяйка дома.

– Сидите и ешьте, – сказала она. – Довольны ли вы вашим ужином?

– Да мы не знаем, как и благодарить-то тебя за него! – в один голос ответили Марко и Никош. – Ни разу в жизни не пировали мы так, как сегодня.

– Только не знаем мы, госпожа, кто ты и как зовут тебя, чтобы век поминать за твою доброту к нам, – прибавил Марко.

– Ты желаешь знать, кто я? Я – королева волшебниц-кешалий, Ана. Уже второй раз встречаемся мы сегодня.

– Как второй раз? – воскликнули цыгане. – Да мы весь день никого не видели в горах, а тебя-то, королева Ана, уж, конечно, видим первый раз в жизни!

– А помните жабу около камня в лесу? Эта жаба была я.

Тут вспомнили оба цыгана, как рассказывали когда-то им про королеву Ану, будто она ползает, приняв образ жабы, по тем местам, где зарыты в земле богатые клады.

Ана же сказала Никошу:

– Посмотри-ка, Никош, на потолок. – В голосе Аны прозвучала угроза.

Взглянул на потолок Никош, да так и обмер он от страха. Над самой его головой висел на паутинке громадный камень. Если бы оборвалась паутина, камень упал бы ему на голову и раздавил бы его, как комара. Никош хотел уже вскочить со стула и бежать, но Ана мановением руки остановила его и, указывая на камень, сказала:

– Никош, если бы ты наступил на жабу, то этот самый камень свалился бы на тебя, и ты погиб бы. Ну, да нечего вспоминать о том, что было. Идите-ка теперь спать, а завтра утром вас накормят, дадут еды на дорогу, и вы пойдете дальше. А тебе, Марко, я сделаю завтра на прощание подарок за то, что ты не дал Никошу раздавить жабу. Твоя доброта должна быть награждена.

Сказав это, королева Ана вышла из комнаты. На следующее утро, когда, цыгане проснулись на своих роскошных кроватях, они с удивлением увидели, что около них на скамьях, вместо старых лохмотьев, лежит приготовленная для каждого новая одежда. Оделись цыгане и стали ждать, когда позовут их завтракать. Вскоре пришла за ними девушка, прислуживавшая им вечером, и повела их в столовую. Еще богаче был накрыт стол. Оба цыгана так наелись, что насилу встали из-за стола. Собрались они уже уходить, как вошла королева Ана.

– Теперь вы сыты, одеты и обуты, – сказала она, – идите в город, да помните, что нельзя убивать даже жабу за то только, что она так безобразна.

Стали чуть не до земли кланяться королеве Ане Марко и Никош и благодарить за ее доброту. Она же улыбаясь, сказала им:

– Нечего меня благодарить, особенного я вам ничего не сделала, только одела и накормила вас. Да, Марко! Вот тебе мой подарок!

С этими словами протянула королева Ана Марко маленькую бутылочку, промолвив:

– В этой бутылочке живая вода. Одна капля этой воды может исцелить самую тяжелую болезнь. Ну, прощайте!

Ушли цыгане из дома королевы Аны. Весел был их путь в город. У каждого была за спиной сумка, и чего только не было в ней. Голода им теперь нечего было бояться.

Вскоре далеко разнеслась слава про Марко, что он каплей воды исцеляет все болезни и вылечивает даже умирающего. Со всех концов страны потянулись к нему больные. Громадные

деньги платили ему за каплю живой воды, и стал он таким богачом, какого раньше в той стране и не бывало.

Птичий язык

Жил когда-то в Пивнице, на юге Венгрии, цыган Пику. Призывали этого цыгана на военную службу. Долго не возвращался он назад в табор. Лет двадцать, а то и больше пробыл он на военной службе. Где только ни побывал он за это время. Чуть не все страны исколесил, он. Стали уже забывать его в таборе, как он неожиданно вернулся. Ушел Пику молодым, а вернулся пожилым; цыганом. С трудом и узнали-то его в таборе.

Стал опять жить в таборе Пику, только отвык он от цыганской жизни. Это все замечали: хоть и цыган Пику, да не такой, как все. Даже сторониться стали цыгане его. Но Пику на это не обращал внимания. Жил да и жил себе помаленьку. Занимался же он тем, что ловил птиц и продавал их по городам и деревням. Бывало, только чуть станет светать, а он уже идет в лес и остается там до позднего вечера, – все птиц ловит. И каких только птиц не бывало у Пику! Вся палатка его была заставлена и увешана клетками, и постоянно слышался в ней птичий гомон, – и поют, и свистят, и чирикают.

Стали замечать цыгане табора, что Пику подойдет к клетке, станет около нее, что-то начнет шептать, а потом засвищет, ни дать, ни взять, как птица. «Что за притча? – думают цыгане. – Уж не научился ли Пику в лесу птичьему языку?» А ведь всем цыганам известно, что научиться говорить со всеми птицами да зверями можно: нужно только поцеловать в губы спящую фею-урму. Хоть и трудное это дело, да говорят, будто были такие цыгане, которым это удавалось. Вот и стали поговаривать в таборе, что Пику поцеловал лесную фею, и стали опасаться, не разгневалась бы за это королева фей-урм Матуйя, и не стала бы бросать куски мяса урм. Нашлет этим мясом Матуйя бешенство на весь табор, да и погибнут все цыгане. Судили да рядили цыгане и, наконец, решили поговорить об этом со своим гекко, а он был человек бывалый и мудрый. Пришли к нему цыгане и говорят:

– Вот что, гекко: дело-то у нас в таборе не ладное, как бы беды не было. Ведь Пику-то научился говорить по-птичьи.

Сначала гекко ничего не хотел слушать, а потом, когда рассказали ему подробно все, что видели и слышали, решил так:

– Позовите сюда Пику, я с ним поговорю при вас. Там видно будет, что делать.

Позвали Пику. Пришел он в палатку гекко, а тот его спрашивает:

– Правда ль это, Пику, что ты умеешь свистать по-птичьи?

– Умею, – ответил Пику, – да еще так, что, пожалуй, и не отличишь, коль я засвищу, особенно в лесу, ну, скажем, щеглом или малиновкой.

– А ну-ка, посвищи, а мы послушаем, может быть, ты только хвастаешь, – сказал хитрый гекко.

– Чего же тут хвастать. Хитрость не велика. Я еще на военной службе, бывало, забавлял всех во время похода или в казармах тем, что свистал птицей. Вот слушайте, коль вам интересно.

С этими словами Пику засвистал, да так, что и не отличишь, щегол да и только. Затем стал он щебетать синицей, жаворонком, малиновкой; вдруг как заржет лошадью; все даже вздрогнули и оглянулись, уж не просунула ли лошадь голову в палатку. А Пику стоит и смеется. Покачал гекко головой и сказал:

– Эх, Пику, не хорошо все это! Как хочешь, а не можешь ты больше оставаться у нас в таборе. Не могу я, гекко табора, допустить, чтобы по вине одного погиб бы весь табор. Уходи-ка ты от нас на все четыре стороны.

– Да что ты, гекко! – воскликнул Пику. – В чем же моя вина? Что же я сделал такого, что ты гонишь меня из табора?

– Ты говоришь по-звериному, значит, ты поцеловал спящую фею урму, – ответил гекко, – за это может разгневаться королева Матуйя и погубить весь табор.

– Откуда ты взял, что я говорю по-птичьи? Ведь подражать птицам может научиться всякий, а мне научиться было легко, я и живу-то среди птиц.

– Коль ты живешь среди птиц, то и живи с ними, – спокойно сказал гекко, – а в таборе среди цыган тебе не место.

– Как же стану я жить, коль ты прогонишь меня из табора, куда же мне деваться, с голоду помирать, что ли?

– Это уж, как знаешь, так и делай, а в таборе я не оставлю обещанного цыгана ни за какие блага в мире.

– Да чем же я обещан?

– Тем, что поцеловал спящую урму. Ну, толковать тут нечего, в таборе тебе оставаться нельзя, и дело с концом.

Как ни просил, как ни молил Пику не гнать его из табора, гекко ничего не хотел слушать, и из цыган никто не заступился за Пика. Так и пришлось ему покинуть табор.

Андор и урма

В одном из таборов, кочевавших в старые времена в Семиградье, по берегам Мароша, жил молодой цыган, Андор. Много слышал он о прекрасных феях урмах; о том, как пляшут они высоко в горах, на уединенных лесных полянах, сверкая своими золотыми волосами в лучах солнца, или как сидят они на горных вершинах и поют песни, которые так и хватают за сердце, как чаруют того, кто услышит это пение. Всех расспрашивал Андор об урмах, только о них и говорил он. В таборе так уж и знали, коль придет Андор, то непременно заведет разговор об урмах. Часто смеялись над ним молодые цыганки и кричали ему вслед:

– Эй, Андор! Беги скорее в горы, там ждут тебя твои невесты, урмы!

Однажды, когда Андор утром шел по табору, остановила его старая цыганка, славившаяся, как знахарка, во всех окрестных таборах и деревнях, и сказала ему:

– Андор, ты все расспрашиваешь об урмах. Хочешь, я научу тебя, как увидеть пляску урм?

– Ах, бабушка! – воскликнул обрадованный Андор, – научи меня, а уж я так буду тебе благодарен, что и сказать нельзя. Если научишь меня, как увидеть урм, то я во всем буду помогать тебе: и дрова буду носить, и воду, все сделаю, что только ни прикажешь.

– Научить тебя мне не трудно, и ничего мне за это не нужно. Слушай же, Андор! Помни прежде всего, что ты идешь на опасное дело. Придется тебе собрать всю твою смелость и ловкость, а как испугаешься и не изловчишься сделать то, чему я научу тебя, то погибнешь, и никто не спасет тебя от гнева урм. Выполнишь все, то получишь в жены красавицу урму, и будет у тебя такая жена, что равной ей не найти нигде на свете. Прежде всего, запомни хорошенько, как найти поляну, на которой каждую ночь собираются со всей округи урмы плясать и играть. Эта поляна вон на той горе. Узнаешь ты поляну по столетнему дубу, который растет на ее краю, и по большому камню на середине поляны. Пройти на эту поляну, пожалуй, не трудно. Иди по дороге в горы, а как увидишь у самой дороги три больших осины рядом, сверни налево и иди все прямо, и дойдешь до подошвы горы. Там ты увидишь кучу камней, а около них вьется тропинка в гору, по ней-то ты и придешь прямо на поляну. Прийти на поляну ты должен еще до захода солнца, чтобы успеть вырыть глубокую яму. Эту яму ты вырой шагах в пяти от большого камня. Когда совсем стемнеет, спрячься в яме, а сверху прикройся ветками и травой. Ночью соберутся урмы и станут плясать. Ты следи за ними. Как только какая-нибудь из урм пронесется над ямой, схвати ее за левую ногу и поцелуй в подошву. Тогда урма упадет на землю, все ее подруги разбегутся, а ты выходи из ямы, подымай урму, и веди ее домой. Эта урма и будет тебе верной женой. Смотри, хватай крепче урму, целуй ее непременно в левую ногу, ошибешься – и ты погиб. Вот и все, чему могу я тебя научить. Нельзя и выразить, как обрадовался Андор, уж он благодарил, благодарил старуху, а она только головой покачивала, да улыбалась как-то загадочно.

Только миновал полдень, как Андор, взяв заступ, отправился в горы. Дошел он до трех осин, свернул влево и долго шел все прямо да прямо. Вот и куча камней, а около вьется чуть заметная тропинка. Стал Андор взбираться по ней в гору. Все круче и круче тропинка. Трудно по ней идти, того и гляди сорвешься и покатишься вниз. С трудом взбирается Андор все выше и выше, то и дело хватаясь за кусты и деревья. Устал он. Пот катит с него градом, а остановиться и отдохнуть он побаивается, еще не успеешь, пожалуй, до захода солнца добраться до поляны. Оставаться же в лесу, в котором пляшут урмы, опасно: чего доброго, наткнешься на лошополича, жуткого и страшного чудовища, и тогда прощай жизнь, ведь от чудовища-лошополича ничем не спасешься.

Солнце было низко, когда Андор добрался, наконец, до поляны. Тяжело дыша, сел он на камень посередине поляны и внимательно осмотрел ее. Поляна была не велика. Стеной окру-

жали ее высокие ели, а среди них возвышался только один могучий столетний дуб. Никогда в жизни не видывал Андор такого громадного дерева. Вся поляна была покрыта необыкновенно сочной, густой травой, а среди нее пестрело множество цветов. На поляне было так тихо, что Андор слышал, как стучит у него в груди сердце.

«Пора приниматься за работу; еще, чего доброго, не успею вырыть яму; почва здесь, наверно, каменистая», – подумал Андор.

Встал он с камня, отсчитал пять шагов и начал рыть яму. Пришлось поработать молодому цыгану. Заступ то и дело звенел о камни, и яма была готова только тогда, когда на поляне стало уже почти совсем темно, и на небе зажглись первые звезды.

Жутко стало Андору, когда он влез в яму, прикрывшись ветвями и травой и стал ждать. Он собрал всю свою храбрость и старался быть спокойным, ведь от этого зависела удача. Временами сквозь ветки Андор глядел на небо, чтобы по ярким звездам определить время. Вошла луна. Все выше подымалась она над лесом и серебрила темные ели своими лучами. Вот показалась над вершинами елей яркая звезда. Близка полночь. Скоро появятся феи урмы.

Вдруг Андор чутким ухом уловил какой-то неясный шорох, словно ночная птица пролетела над ямой. Шорох повторился, Андор чуть-чуть приподнял ветви, чтобы посмотреть, что это летает над ямой, взглянул и замер от страха и изумления. Вся поляна разом озарилась ярким светом. Ее окружало кольцом пламя, вырывавшееся длинными языками из земли. Сквозь эту огненную стену чуть виднелись высокие ели. Ни одно живое существо не могло бы пройти сквозь этот волшебный палящий огонь, он испепелил бы в мгновение ока все, что попало бы в него. Испугался Андор. «Ну, – думает, – погиб я». Вдруг около самой ямы раздалось нежное пение. Осторожно, чтобы не зашуметь ветками, Андор обернулся и увидел целый хоровод лесных фей урм. Взявшись за руки, неслись они по поляне, озаренные волшебным пламенем. Их белые одежды, легкие и прозрачные, как утренний туман над рекой, развевались, а сквозь одежды чуть розовело нежное, стройное тело урм. Их золотые волосы сверкали и искрились. Чуть касаясь ногами травы, феи плясали и пели:

*Потому я так прекрасна,
Что родилась на поляне
Средь цветов лесных душистых.
Потому я так прекрасна,
Что на небе надо мною
Ярко радуга блестела.
О скажи мне: кто сравнится
Красотой с прекрасной урмой?
Верь! никто, никто на свете.
Счастлив будет тот, кого я
Полюблю, и много злата
От меня он в дар получит.*

Так пели феи. Все ближе и ближе подвигался их хоровод к яме, в которой сидел Андор. Вот пронеслась одна урма над ямой, за ней другая, третья... Изловчился Андор, схватил крепко за левую ногу одну из урм и поцеловал в подошву. Вскрикнула фея и упала на траву у самого края ямы. Лишь только упала урма, как потух волшебный огонь, и все феи разлетелись, как горлинки, вспугнутые ястребом. Выскочил из ямы Андор и с удивлением смотрел на урму, а она, озаренная луной, лежала неподвижно с полужакрытыми глазами, раскинув белые руки.

Приподнял Андор урму.

– Уж не умерла ли она? – с тревогой подумал он и наклонился к ее устам. – Нет, дышит, но как слабо, чуть слышно. А красавица-то, красавица какая!

Крепко поцеловал Андор урму в губы. Тихо шевельнулась она, глубокий вздох вырвался из ее груди, наконец, открыла она глаза, голубые, как васильки во ржи, взглянула на Андора и сказала:

– Зачем ты сделал это, Андор? Зачем лишил меня свободы? Но видно уж такова моя судьба. Теперь я в твоей власти, веди меня в твой табор, и я буду тебе примерной женой. Помоги мне встать, и пойдём.

Поднял молодой цыган урму, и они пошли.

Уже солнце взошло, когда Андор с урмой вернулись в табор. С удивлением смотрели цыгане на прекрасную урму. Многие молодые цыгане завидовали Андору, что он добыл себе такую красавицу жену. Старые цыгане только покачивали головами и боялись, не принесла бы несчастья табору урма, если она не добрая, а злая урма. Да старая знахарка, когда Андор пришел к ней еще раз благодарить ее, только улыбнулась и сказала:

– Нечего благодарить. Прежде поживи с урмой, а там будет видно, стоит ли еще благодарить меня.

Как бы там ни было, а Андор был счастлив бесконечно.

Прошел почти год с того дня, как стала урма женой Андора. Он уже не жил в таборе, а переехал в город, купил себе дом и стал заниматься торговлей лошадьми. Во всем, была ему удача. Он богател с каждым днем. Урма принесла ему счастье.

Но были ль долго Андор и урма счастливы? Первое время были счастливы и даже очень. Но потом стал замечать Андор, что тоскует его молодая красавица жена. Часто заставлял он, возвращаясь домой, жену сидящей у окна. Подперев руками голову, печально глядела она вдаль, туда, где синели высокие горы, а глаза ее были полны слез. Начнет ее спрашивать Андор:

– Что с тобой? О чем ты грустишь? Или плохо тебе живётся со мной?

– Нет, я всем довольна, и хорошо мне с тобой. Так, взгрустнулось что-то, – Ответит урма и тихо выйдет из комнаты.

«Наверно вспомнила о прежней свободной жизни в горах, – подумает Андор. – Ничего, привыкнет!»

Побудет Андор немного с женой, приласкает ее и уйдет опять по делам.

Однажды уже под вечер возвращался Андор домой и услышал нежное, грустное пение. Это пела его жена. Он разобрал слова ее песни:

*В высоких горах, там в дубровах тенистых
Красавицы урмы привольно живут.
Играют в цветах на полянах душистых
И тешатся пляской, и песни поют.
О, помните урмы, что счастье – свобода!
Минует свобода, и много тоски
Вам жизнь принесет средь чужого народа,
И горе вам сердце сожмет, как тиски.*

Понял из слов этой песни Андор, что тоскует его жена по своим сестрам урмам, что она чувствует себя чужой среди людей. Может быть, даже и он, хоть и муж ее, все-таки ей чужой.

Стала замечать с этого вечера урма, что Андор стал к ней как будто холоднее. Правда, он был с ней по-прежнему ласков, старался исполнять все ее желания, но во всем, что делал для нее Андор, во всем, что говорил он ей, чувствовался какой-то холодок, пожалуй, даже равнодушие. Андор стал реже оставаться дома. Придет, посидит полчаса, час и уже торопится скорее уйти. Уйдет и вернется лишь поздно ночью. Все чаще и чаще стал он уходить в табор и подолгу оставался там. Раз даже пробыл в таборе целых три дня у старого гекко.

– Уж не разлюбил ли меня Андор? – думала урма. – Что, если он на самом деле разлюбил меня? Не видать уже тогда мне больше радостных дней. Еще тяжелее станет жить среди чужих.

Тут, как на грех, узнала урма, что Андор ходит к гекко в табор. А у гекко дочь – красавица.

– Полюбил Андор дочь гекко, – решила урма. – Что ж, она такая же цыганка, как и он. Она ближе ему, чем я – свободная урма. Нет, видно, одно осталось мне – умереть, и я избавлюсь от тоски и горя, и Андор будет счастлив.

Заплакала урма.

Что же, действительно Андор полюбил красавицу-цыганку, дочь гекко, и забыл жену свою? Нет, он любил ее по-прежнему. Только, как урму влекло в горы, так влекло и Андора, вольного цыгана, в родной табор.

Как-то вернулся Андор домой и застал жену свою всю в слезах. Он подошел к ней, обнял ее и спросил:

– О чем ты плачешь? Не обидел ли тебя кто-нибудь, пока меня не было дома?

– Нет, никто меня не обижал, – прошептала урма, – грустно мне.

– О чем же ты все грустишь? – расспрашивал жену Андор.

– Ах, не спрашивай, Андор, – ответила урма, – а лучше, если ты еще хоть немного любишь меня, то исполни одну мою просьбу.

– Ты знаешь ведь, что я люблю тебя, – ответил Андор, – и с радостью исполню, если только смогу, твою просьбу. Чего же ты хочешь?

– Выйдем на минутку из дома, и я скажу тебе, о чем хочу тебя попросить.

– Но отчего же ты не хочешь сказать этого здесь?

– Нет, здесь в доме, нельзя. Выйдем.

– Ну, выйдем, если хочешь, – сказал, пожимая плечами, Андор.

Вышли они из дома. Урма сделала несколько шагов, обернулась к Андору, обняла его и сказала:

– Ну, поцелуй меня так, как поцеловал тогда, помнишь, там, в горах, на поляне.

– И в этом вся твоя просьба? – сказал, улыбаясь Андор. – Изволь, но только поцеловать тебя я мог бы и дома, на улицу для этого выходить нечего.

– Нет, Андор, моя просьба не в этом. Вот моя просьба, – с этими словами: урма распутала, свои волосы, отделила три блестящих волоска и сказала:

– Вырви их, Андор, они принесут тебе счастье. Только погоди, я еще раз обниму тебя и поцелую.

Она обняла Андора и крепко, крепко поцеловала его в губы. Невыразимая грусть светилась в ее голубых глазах.

– Но, зачем же я буду вырывать эти волосы. Я и так счастлив, – сказал удивленный Андор.

– Ах, сделай это скорее, так нужно! – прошептала урма.

Послушался Андор. Он взял осторожно три волоска и вырвал их. Как подкошенная, упала урма на землю и умерла. Вскрикнул Андор. Нагнулся к ней и хотел поднять ее. Но не было уже перед ним ее тела, оно ушло в землю, а из земли поднялась высокая, стройная осина, печально шелестя листьями.

Долго горевал по жене своей Андор. Но всякое горе проходит. Успокоился и Андор. Через год женился он на красавице, дочери гекко. А три золотых волоса его первой жены-урмы принесли ему счастье и несметное богатство.

Петру и дочери нивашей

Давно, давно жил в Семиградье молодой цыган по имени Петру. Он был беден, беднее всех в своем таборе. Целыми днями работал он, как простой поденщик, по окрестным деревням и с трудом зарабатывал столько денег, что ему едва-едва хватало на пропитание. Но даже из своего крайне скудного заработка ухитрялся Петру откладывать каждый день несколько грошей. Он не позволял себе вечером выпить хоть одну только-маленькую чарочку водки, а в этом не отказывал себе ни один из подёнщиков. Петру все копил да копил деньги. Часто товарищи смеялись над Петру и называли его скрягой. Но он не отвечал на их насмешки, а только усмехался и скорее уходил. Петру не водил компании с веселой разгульной цыганской молодежью, сторонился он и от девушек цыганок, никогда не принимал участия в их играх и плясках, как ни звали они его. А часто молодые цыганки засматривались на красавца Петру; каждая из них охотно стала бы его женой и не посмотрела бы на то, что он так беден. Да и красив же был Петру, прямо на редкость: высокий, стройный, его густые, черные кудри вились кольцами почти до самых плеч; темно-карие глаза смотрели смело и открыто, тонкие правильные черты лица были словно отлиты из бронзы, а на щеках играл здоровый румянец.

Но почему же молодой красавец Петру сторонился юных цыганок? Для кого копил он деньги? Неужели он был на самом деле скрягой?

На самом краю деревни, в которой часто работал Петру, в бедной хижине жила старуха со своей падчерицей Марией. Одинокó жила старуха. Ни к кому она не ходила, да и к ней никто не ходил. Все в деревне побаивались ее. Дурная шла об этой старухе слава по деревням. Говорили, что она – злая колдунья, научившаяся всякому волшебству у ведьм и страшного, толстого ниваша, речного духа с огненно-красными волосами и бородой, который выходил к ней по ночам из реки, протекавшей недалеко от деревни. Не любили и боялись старухи крестьяне, а чем больше боялись, тем больше жалели Марию, добрую, приветливую девушку, красивую и нежную, как незабудка.

К этой-то старухе часто ходил красавец Петру, но не ради ее искусства, а ради Марии. Часто поздним вечером, когда старуха, кряхтя и охая, словно у нее все кости болят, ложилась спать, приходил красавец Петру к хижине и ждал, когда выйдет Мария. Вот тихо скрипнула дверь. Озираясь по сторонам, нет ли кого на улице, переступила Мария порог, сделала несколько шагов в густых сумерках приближающейся ночи и очутилась, словно птичка, укутанная сетью, в объятиях Петру.

– Ах, Петру, как ты меня испугал, – шепчет чуть слышно Мария, – я хотела уже вскрикнуть от испуга, насилу удержалась.

– Что ты каждый раз пугаешься меня? Ах ты, трусиха, трусиха! – крепко целуя Марию, ответил Петру. – Что ты так долго не выходила? Я ждал, ждал тебя. Думал, что ты так и не выйдешь. Пойдем, сядем под дерево, мне нужно о многом поговорить с тобой.

Обнявшись, пошли Петру и Мария к высокому буку и сели.

– Послушай, Мария, – сказал Петру, – ты знаешь, как я люблю тебя. Я жить не могу без тебя. Мне кажется бесконечным день, если я не увижу тебя; хоть издали. Теперь уже осень. Скоро наш табор уйдет далеко отсюда, туда, где живём мы зимой. Я не переживу без тебя целую долгую зиму. Пойдем со мной. Будь моей женой. Как буду я любить тебя, беречь и ласкать! Ты ни в чем не будешь нуждаться; я достаточно скопил денег, чтобы безбедно прожить на них зиму, да и работа кое-какая найдется, а там настанет весна, опять работы будет вдоволь, только не надо лениться, и жить можно будет хорошо. Если ты любишь меня, то пожалеешь меня и пойдешь со мной.

– Да разве можешь ты, Петру, сомневаться в моей любви! – ответила Мария, обняв молодого цыгана и глядя ему в глаза. – Хоть на самый край света готова я идти за тобой. То, что ты

беден, меня не пугает, ведь я еще беднее тебя. Работы я тоже не боюсь. Вот только мачеха. Что скажет она. О, как боюсь я ее, как зло иногда смотрит она на меня, и глаза у нее тогда горят таким мрачным огнем. Дрожь пробегает у меня по телу, когда она посмотрит на меня.

– Не бойся! Я упрошу твою мачеху отпустить тебя со мною, только ты-то скажи, что согласна идти со мной.

– Я уже сказала, что хоть па край света пойду за тобой. А что скажут у тебя в таборе, когда ты приведешь с собой жену не цыганку?

– Разве я не вольный цыган? – горячо воскликнул Петру. – Разве я не волен брать себе в жены ту, которую люблю, и которая меня любит?

Хоть и сказал так Петру, но сам он отлично знал, что в таборе всем было известно о его любви к Марии и частых свиданиях с нею по вечерам; разве скроешь что-нибудь от цыган, они все узнают; помнил Петру и то, что часто говорили ему цыгане:

– Смотри, Петру, не женись на Марии. Возьми лучше в жены цыганку. Ты – вольный цыган, и жена твоя должна быть вольной цыганкой. А разве Мария станет когда-нибудь цыганкой? Взглянуть на нее довольно, чтобы сказать, что в таборе ей не ужиться. Ишь, какая она белая да нежная, ни дать, ни взять садовая лилия, а наши цыганки – это дикий, полевой мак. Завянет Мария в таборе.

Долго сидели влюбленные под высоким, ветвистым буком. Ночь давно наступила, и на темном небе горели яркие звезды. Прокричали полночные петухи. Не могут расстаться Петру и Мария. Тихо шепчутся они о том, как будут жить вместе в таборе, и не будет поблизости злой мачехи, которой приходится ежеминутно опасаться. Наконец, уже ближе к рассвету, когда чуть побелел восток, расстались они. Проводил Петру Марию до порога хижины, крепко поцеловал и медленно пошел к табору, а Мария, стоя на пороге, смотрела ему вслед, пока не скрылся он в ночной темноте.

Мачеха Марии знала, что ее падчерица любит красавца цыгана Петру, и что он любит Марию. Знала мачеха и об их встречах по вечерам, но молчала и притворялась, будто ничего не видит и не знает.

Близится к концу осень. Дни короче, а ночи длиннее и темнее. Что ни день, то льет осенний дождь. Холодный ветер запел свою унылую осеннюю песню. Все холоднее. Близко зима. Скоро снимется табор и шумно пустится в путь на зимние квартиры. Наконец, ушел табор. В деревне остался один. Петру. Он хотел прежде жениться на Марии, а уже потом вместе с ней отправиться вслед за табором.

Вскоре после ухода табора как-то днем зашел Петру к мачехе Марии и, приветливо поздоровавшись с ней, сказал:

– Я пришел к тебе просить отпустить Марию со мной, позволить ей стать моей женой. Я знаю, что ты останешься одна без помощницы, но верь мне, мы никогда не забудем тебя и всегда будем помогать тебе, чем только сможем.

Исподлбья взглянула старуха на Петру, и глаза ее сверкнули так зловеще, – таким мрачным огнем, что Петру вздрогнул, а его испугать было не легкое дело. Помолчала старуха, а потом проговорила, словно змея зашипела:

– Ишь, что вздумал! Уж не должна ли я нищему цыгану отдать в жены падчерицу? Что же, так и оставаться мне здесь одной в этой лачуге? Убирайся отсюда по добру, по здорову. Женись на цыганке, а о Марии и думать не смей. Не бывать ей женой цыгана!

Ушел, понутив голову, бедный Петру. Но он решил все же добыть Марию какой угодно ценой. Вечером опять встретился он с ней. Долго думали они, как им быть, и, наконец, Петру сказал:

– Одно осталось нам, Мария, – бежать. Хоть и зла твоя мачеха, хоть и страшно сверкнули ее глаза, когда я говорил с ней о тебе, но не бойся. О, я сумею защитить тебя! Пусть будет хоть колдуньей твоя мачеха, а не дам я ей тебя в обиду. Не побоюсь я и сотни колдуний!

– Ах, Петру, Петру! – печально ответила Мария, – чувствует мое сердце что-то недоброе. Но, что бы там ни было, я не могу жить без тебя! Бежим отсюда! Быть может, Бог поможет нам. О, я буду молить его о помощи!

– Завтра же ночью выходи под бук, и мы бежим! – сказал Петру. – Авось целы и невредимы доберемся мы до табора, а уж там мы будем в безопасности, цыгане нас не выдадут и сумеют защитить.

– Хорошо, Петру, завтра, как только заснет мачеха, я выйду. Жди меня.

Крепко обнялись Петру и Мария и расстались до следующей ночи.

Всю эту ночь и весь следующий день Петру не находил себе места от нетерпения. Никак не мог дождаться той минуты, когда будет с ним Мария.

Наступила ночь. Но какая неприветливая, темная. Тучи заволокли небо; порывистый, холодный ветер шумит и стонет в обнаженных ветвях деревьев. Темно, в трех шагах ничего не видно. Тихо подкрался Петру к самой двери хижины Марии и стал ждать. Вот, наконец, вышла Мария. Схватил ее за руку Петру, и они отправились в путь, едва различая в темноте дорогу.

Старуха спала. Она не слышала, как ушла Мария. Но старуха, на самом деле, была злая колдунья. Недаром шла о ней по деревне дурная слава. У нее был огненно-красный петух, которого подарил ей речной дух ниваш, научивший ее колдовству. Это не был простой петух, а превращенная «верховным дьяволом» в наказание за проступок в петуха ведьма. Этот петух всегда сидел в изголовье старухи, когда она спала, и караулил ее. Днем же он ходил за старой колдуньей, как собака, и ни на шаг не отставал от нее. Конечно, видел петух, как ушла из хижины Мария. Не успели Мария с Петру выйти из деревни, как захлопал петух крыльями и запел громко человеческим голосом:

*С Петру наша Мария бежала,
И уж деревню она миновала!
По полю к речке Мария идет;
Петру Марию в жены возьмет.
Кукареку, кукареку!*

Проснулась старуха, проворно вскочила с постели, – куда девалась ее старость, – топнула ногой и крикнула:

– Хорошо же, я им покажу, как бегать! Будут меня помнить! Молодец петушок, что устерег Марию! Ах, она негодная!

Достала колдунья из ящичка волшебный моток ниток и зашептала над ним:

*Катись, клубок, катись скорей.
Катись быстрее, быстрее, быстрее!
В погоню ты спеши, спеши!
В реке Марию утопи!*

Вышла колдунья из избушки и бросила клубок на землю. Быстро покатился волшебный клубок по дороге из деревни в поле, а по полю прямо к мосту, через который должны были пройти Петру с Марией. Вихрем катился клубок и нагнал он Петру с Марией как раз в ту минуту, когда они были на середине моста. Мария шла у самых перил. Она нагнулась через перила и хотела по обычаю три раза плюнуть в реку, чтобы не причинили им вреда злые ниваши, как подкатился ей под ноги волшебный клубок и, в мгновение ока, скинул ее с моста в глубокую реку. И вскрикнуть не успела Мария. Всплеснула вода под мостом, пошли по реке широкие круги, и снова все спокойно, лишь ветер жалобно стонет в прибрежных ивах, словно плачет по юной Марии.

В ужасе схватился за голову Петру. Он всем телом перегнулся через перила, зовет Марию; нет ответа. Ничего не видно в темной воде реки. Зарыдал Петру. В отчаянии, не помня себя, побежал он назад в деревню. Вбежал к мачехе Марии и, рыдая, сказал:

– Мария упала в реку. Помоги спасти ее! Созови народ!

Зло рассмеялась старуха и сказала:

– Ну, не будет больше бегать Мария! Теперь она стала водяной лилией. Посмотри-ка под мост, ты там увидишь ее. Это ничего, что теперь осень, такие лилии цветут и осенью. Если ты хочешь быть с Марией, то пойдь, бросься с моста в реку, и будут две лилии – белая да желтая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.